

Янь Мо был очень доволен звукоизоляцией, эксперимент прошёл успешно...

Матрас, одеяло и подушки были новыми, набитыми шёлковой ватой, очень мягкими и удобными.

Нянь Сяоми мягко опёрся на подушку, задумчиво глядя на потолок, на котором не было паутины.

Свет масляной лампы на столе слегка мерцал, отражая его текущие мысли, и он невольно погрузился в раздумья...

Янь Мо тоже помылся и, окутанный свежим теплом, вошёл в комнату. Увидев задумчивое лицо юноши, он мягко спросил:

— Дорогая, о чём думаешь?

С этими словами он забрался под одеяло и обнял его.

— Просто чувствую некую ностальгию. Мы переехали в новый дом, но почему-то скучаю по старому...

Янь Мо потерся щетиной о его щёку, затем медленно переместил голову к его уху и слегка укусил...

Нянь Сяоми вздрогнул, но всё же сомневался:

— Двери закрыты? Дети спят?

— Угу... — Янь Мо тяжело дышал.

Нянь Сяоми всё ещё не был уверен, встал и задернул шторы.

Янь Мо всегда недоумевал, зачем нужно делать такие большие занавески? Ведь снаружи никто не смотрит, да и это второй этаж...

Объяснение Нянь Сяоми было простым: красиво!

Задернув шторы, он снова лёг в кровать, а Янь Мо уже разделся догола, полный энергии и готовый к действию.

Сердце Нянь Сяоми замерло на мгновение, он слегка приподнял подбородок и тихо сказал:

— Что ты задумал?

Янь Мо усмехнулся:

— Делаю то, что должен делать муж. Хе-хе.

С этими словами он обнял его, и Нянь Сяоми, вдыхая знакомый и давно забытый запах, почувствовал, как его сердце и тело растворяются.

Этой ночью он вспомнил все движения из «фильмов для взрослых», которые видел в прошлой жизни, и тщательно, с полной отдачей и наслаждением, воплотил их в жизнь с Янь Мо...

Прошёл час...

Оба получили огромное, невиданное ранее удовлетворение.

Нянь Сяоми, прижавшись к Янь Мо, считал волосы под его мышками и невольно запел:

— Вначале ты хотел расстаться, расстаться, а теперь хочешь вернуть меня любовью...

— Что? Я не говорил, что хочу расстаться... — Янь Мо удивлённо посмотрел на него.

Нянь Сяоми рассмеялся:

— Ничего, просто вспомнил старую деревенскую песенку.

Янь Мо снова обнял его и замолчал.

Через некоторое время Нянь Сяоми сказал:

— Кстати, ты не замечаешь, что в комнате чего-то не хватает?

Янь Мо осмотрел комнату.

Чего не хватает? Шкаф, комод, письменный стол, туалетный столик с зеркалом — всё это даже роскошнее, чем в доме старосты. Что ещё нужно?

Нянь Сяоми не ожидал, что он что-то поймёт.

Он указал на стену и произнёс два слова:

— Пустота!

Янь Мо сел, посмотрел на стену, почесал голову:

— Белая стена — это же хорошо, намного лучше, чем глиняная.

Нянь Сяоми улыбнулся, не виня его. Он не мог требовать от древнего человека современных представлений о дизайне.

— Мебели хватает, но на стенах не хватает картин. Надо съездить в город и купить несколько картин или каллиграфических работ.

— Угу! У нашей жены есть художественные бактерии, через пару дней я куплю.

— Это клетки, а не бактерии! В прошлый раз я только объяснял тебе разницу... — Нянь Сяоми постучал его по голове.

— Дорогой, Сестрица Ланьхуа тоже переехала, и я планирую попросить Тетушку Лю помогать с приготовлением пряных закусок. Через пару дней возобновим работу. Старик Лю настаивает на том, чтобы продолжать жить у моря и присматривать за рыбным хозяйством. Когда хозяйство расширится, нанём ещё людей.

— Угу... слушаю тебя...

Наконец, Янь Мо начал засыпать, издавая лёгкий храп.

Нянь Сяоми, улыбнувшись, поцеловал его в щёку и повернулся к окну.

Слушая кваканье лягушек и наблюдая, как лунный свет проникает сквозь шторы, он чувствовал себя умиротворённым.

Он вспомнил день, когда впервые оказался здесь, в чужой среде, среди «дикарей». Тогда он действительно испугался.

Еда была горькой и трудно проглатываемой, а жилище — ветхим, с дырами в стенах. Несколько ночей он не мог уснуть.

Но всего за несколько месяцев всё изменилось, словно во сне.

Муж из «бородатого дикаря» превратился в «суперсексуального любовника», они переехали в большую усадьбу, нашли несколько близких друзей, обзавелись тремя милыми и послушными детьми, заработали деньги и даже нашли огромный янтарь, которого не видели в прошлой жизни...

Его сердце постепенно успокоилось, и он влился в эту простую и насыщенную деревенскую жизнь, даже наслаждаясь ею. Даже драки и ссоры приносили радость...

На лежанке лежала циновка, было прохладно. Нянь Сяоми положил подаренный Сестрицей Ланьхуа мешочек с мятой у изголовья и начал засыпать.

А в эту ночь Сяо Юн и Гу Юньфэн, думая о том, что теперь они будут жить в одном дворе, тоже не могли уснуть от возбуждения...

На следующее утро Бабушка Ци рано приготовила завтрак, Тетушка Лю подмела двор, Сяо Юн отправился в поле, Сестрица Ланьхуа — на рыбное хозяйство, Гу Юньфэн — в огород, а Янь Мо — на охоту. Всё шло своим чередом.

Юй Ху, Нюню и Толстяк с любопытством исследовали новую обстановку, бегая туда-сюда. Кошки и собаки тоже были возбуждены и носились за ними.

Нянь Сяоми отвёл двадцать утят на задний двор и выпустил их в пруд.

Затем он радостно запел:

— В нашей деревне живут утята, я каждое утро веду их к пруду. Утята, глядя на меня, крикают. Прощайте, утята, мне пора в школу...

Теперь перенесёмся на поля ранним летом.

Сяо Юн толкал тележку, подходя к кукурузному полю. Кукуруза уже выросла до человеческого роста, и скоро начнёт плодоносить.

В этот момент по краю поля шли три деревенские женщины, и первой была мать Янь Шубая.

Подойдя к Сяо Юну, Янь-ши начала кричать:

— Ты, рыжая лиса!

С этими словами она замахнулась, чтобы ударить его, но её руку остановил чей-то голос.

Оказалось, что Нянь Сяоми вспомнил о банке вонючего тофу, закопанной в старом дворе, и решил пойти выкопать её.

Увидев разъярённую троицу, он бросился вперёд.

— Старуха Янь, что ты задумала?

Се-ши, неожиданно услышав окрик, остановилась и не ударила, повернулась и зло посмотрела на Нянь Сяоми:

— Сегодня я научу твоего брата, как не совать нос в чужие дела, а ты отойди!

Нянь Сяоми встал перед Сяо Юном и резко сказал:

— Вы совсем с ума сошли? В прошлый раз ваш муж и сын устроили скандал, а теперь вы? Разве ваш Янь Шубай не сам разорвал помолвку? Какое это имеет отношение к нам?

Как только он закончил, остальные деревенские женщины начали кричать, обвиняя Сяо Юна в разврате. Нянь Сяоми невольно закрыл уши.

Сяо Юн потянул его назад, как бы говоря, что пусть они кричат, вряд ли они что-то сделают.

Увидев его равнодушие, Янь-ши, полагаясь на численное превосходство, продолжала кричать:

— Ты, проклятый соблазнитель, который только и делает, что вредит моему сыну. Сегодня я тебя проучу, чтобы ты знал, что со мной шутки плохи!

— Старуха! Не говори, что я не предупреждал. Если ты тронешь меня пальцем, я тебе покажу!

— Сяо Юн тоже не был трусом.

С самого начала Нянь Сяоми не показал страха, он ждал, когда Янь-ши начнёт действовать, чтобы воспользоваться моментом и проучить её.

Сестрица Ланьхуа, вернувшись с моря, услышала крики у поля и поспешила к ним. В итоге драка так и не состоялась.

Янь-ши продолжала ругаться, а Сестрица Ланьхуа подняла комок земли и бросила в неё, заставив деревенских женщин броситься в бегство.

Хотя её не ударили, слова обидчиков глубоко ранили Сяо Юна.

Нянь Сяоми смотрел на брата с болью в сердце.

Почему?

Твой сын сам разорвал помолвку, так почему ты снова и снова винишь моего брата?

Нет!

Эту обиду нельзя оставлять без ответа. На этот раз я придумаю, как проучить эту злую старуху!

За обедом Тетушка Лю поделилась сплетней, которая навела Нянь Сяоми на мысль.

Оказывается, староста собирался взять наложницу!

Янь-ши устроила скандал и даже увезла детей к своим родителям на несколько дней, надеясь, что он передумает. Но староста был непреклонен.

В древние времена наличие нескольких жён было обычным делом, особенно для тех, у кого были деньги.

Узнав об этом, Нянь Сяоми шепнул Янь Мо:

— У меня есть жестокий план, который заставит Янь-ши навсегда забыть о нас!

Янь Мо с любопытством спросил:

— Что за план?

Нянь Сяоми загадочно улыбнулся:

— Скоро узнаешь.

<http://bllate.org/book/16653/1526063>